

Научная статья

УДК 34:004:34.096:347.211:004.8

EDN: <https://elibrary.ru/phbnki>

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.39>

Авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта и способы их защиты

Дмитрий Александрович Казанцев

B2B-Center

г. Москва, Российская Федерация

Ключевые слова

деликтоспособность,
интеллектуальная
собственность,
искусственный интеллект,
нейросеть,
право,
правоспособность,
правосубъектность,
робот,
творчество,
цифровые технологии

Аннотация

Цель: обоснование механизмов правовой защиты объектов интеллектуальной собственности, созданных с использованием искусственного интеллекта.

Методы: использование искусственного интеллекта для создания произведений, традиционно относящихся к объектам авторского права, исследовалось посредством совокупности общенаучных и теоретико-правовых методов научного познания, включая сравнение, аналогию и синтез. Кроме того, практика использования искусственного интеллекта, в том числе нейросетей, для создания таких произведений была рассмотрена в нескольких аспектах на основе ретроспективного и многофакторного анализа.

Результаты: в работе обобщена актуальная практика использования искусственного интеллекта для создания произведений, традиционно относящихся к объектам интеллектуальной собственности (текстов, изображений, музыки, программ для ЭВМ), с учетом сформулированных научных и правовых позиций. Выделено несколько качественно различающихся между собой вариантов использования искусственного интеллекта. Для каждого из этих вариантов был предложен механизм правовой защиты, а также указаны области эффективного их применения. Даны предложения по регулированию правовой защиты результатов деятельности искусственного интеллекта не в парадигме конкурирующих доктрин, а в сочетании нескольких инструментов с применением каждого из них в релевантной ситуации.

© Казанцев Д. А., 2023

Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал при условии, что оригинальная работа упомянута с соблюдением правил цитирования.

Научная новизна: в работе представлена онтологическая дифференциация результатов деятельности искусственного интеллекта и соответствующих им механизмов правовой защиты. Созданные искусственным интеллектом результаты деятельности предлагается считать не единым объектом правового регулирования, а совокупностью внешне сходных, но онтологически различных объектов, каждый из которых требует собственного подхода к правовой охране.

Практическая значимость: предложенная в настоящей работе онтологическая дифференциация результатов деятельности искусственного интеллекта и соответствующих им механизмов правовой защиты актуальна как в качестве основы для дальнейших исследований, так и в качестве предложений для дополнения норм гражданского законодательства.

Для цитирования

Казанцев, Д. (2023). Авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта и способы их защиты. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(4), 909–931. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.39>

Содержание

Введение

1. Робот как субъект права

2. Робот как инструмент творчества

3. Робот как субъект творчества

Выводы

Список литературы

Введение

Цифровые технологии – это важный фактор настоящего и ключевая компонента будущего. Сегодня уместно говорить не просто об экспериментах по внедрению искусственного интеллекта и алгоритмов обработки больших данных, а о консенсусе по вопросу о необходимости подобных инноваций. В Стратегии развития информационного общества, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г., особо отмечается, что конкурентным преимуществом на мировом рынке обладают те государства, отрасли экономики которых основываются на технологиях анализа больших объемов данных¹. И с этим тезисом сложно поспорить: хозяйственная практика с каждым годом все яснее демонстрирует конкурентные преимущества роботизации и использования искусственного интеллекта.

Распространение цифровых технологий в целом и практик использования искусственного интеллекта в частности преобразовывает в том числе и творческую реальность. Различные технологии, основанные на обработке больших данных

¹ Указ Президента Российской Федерации № 203 от 09.05.2017. (2017). Собрание законодательства Российской Федерации, 20, ст. 2901.

и машинном самообучении, перешли из области экспериментов в область хозяйственного и даже бытового применения. Проще говоря, с помощью искусственного интеллекта любой человек, обладающий базовыми знаниями об информационных технологиях, может не только получать информацию, но и создавать ее.

Такие объекты, как текст, изображение и музыкальное произведение, традиционно относятся к объектам интеллектуальной собственности. Однако сегодня они создаются с использованием искусственного интеллекта. Это означает, что не только в отвлеченном философском дискурсе, но и в прикладном правовом смысле становятся актуальными следующие вопросы:

1. Является ли произведение, созданное искусственным интеллектом, результатом творческой деятельности?

2. Является ли такое произведение объектом авторских прав?

3. Является ли такое произведение объектом интеллектуальной собственности?

Эти вопросы связаны между собой, однако каждый из них характеризует обособленный феномен правового порядка. Их актуальность обуславливается не только инновационным характером технологий, подлежащих анализу для корректного ответа на данные вопросы, но и повсеместным распространением таких технологий.

Так, мы должны уяснить себе, позволяют ли сегодняшние технологии признавать за искусственным интеллектом правовую субъектность. Смежным, но при этом отдельным вопросом является проблема признания искусственного интеллекта автором произведения. Сочетание этих фундаментальных правовых позиций с ответами на означенные выше вопросы и создает основу для правового регулирования результатов деятельности искусственного интеллекта, которое уже сегодня является не только возможным, но и необходимым. При этом важно помнить о том, что надлежащее и эффективное регулирование возможно лишь в том случае, когда регулирующие нормы адекватно отражают суть регулируемых объектов.

А потому для симметричного ответа на вопрос о возможности авторского права на результаты деятельности искусственного интеллекта необходимо проанализировать сущность самой такой деятельности. В принципе, данная тема не может быть полностью раскрыта исключительно в правовом поле и требует междисциплинарного подхода. И хотя в рамках статьи рассматривается лишь регуляторная грань проблемы, но при формулировке правовых позиций не обойтись без ссылок, по крайней мере, на базовые технологические аспекты и принципы работы искусственного интеллекта.

Последовательные ответы на предложенные выше вопросы должны учитывать отсутствие в научном сообществе консенсуса как по вопросу о сущности когнитивной деятельности искусственного интеллекта, так и по вопросу о его правосубъектности.

Сразу стоит оговориться, что за рамками данной статьи остаются такие вопросы, связанные с правосубъектностью искусственного интеллекта, как статус робота-водителя и порядок распределения и реализации юридической ответственности за причиненный им вред. Этим вопросам посвящены специальные исследования, которые в основном склоняются к выводу о субсидиарной ответственности (Duffy & Hopkins, 2017), а точнее, о матрице ответственности, на основании которой вопрос о возложении неблагоприятных правовых последствий решается индивидуально в каждом конкретном случае с учетом комплекса фактов (Colonna, 2012).

Упоминание автоматизированного вождения возвращает нас к более общему вопросу об ответственности за вред, ставший следствием работы искусственного

интеллекта (Bertolini, 2013). На сегодня вопрос о деликтоспособности искусственного интеллекта представляется актуальным более в практической, нежели в правовой плоскости, поскольку пока что умышенная или по меньшей мере неосторожная вина «посредников искусственного интеллекта (разработчиков и пользователей) в случае нанесения вреда системой искусственного интеллекта может быть вполне вероятной, юридически и экспертно доказуемой» (Bertolini, 2013).

Вопросом еще более высокого порядка является вопрос о том, кто становится стороной не только в деликтном, но и в любом правоотношении, порожденном действиями искусственного интеллекта. Например, если последствиями действий искусственного интеллекта стало правовое бытие нового договора, то кто именно будет считаться сторонами такого договора?

И вот этот-то уровень обобщения подводит нас к вопросу, непосредственно касающемуся темы данной статьи. Обладает ли робот правовой субъектностью? Вопрос об авторских правах на результаты деятельности искусственного интеллекта не сводится к вопросу о правовой субъектности, однако непосредственно связан с ним.

1. Робот как субъект права

Если мы признаем искусственный интеллект в качестве субъекта права в целом, то из этого признания логично следует положительное решение таких вопросов, как наличие у него авторского права и иных прав интеллектуальной собственности на созданные им произведения.

Однако можно ли рассматривать искусственный интеллект реально – или, по крайней мере, потенциально – в качестве правового субъекта с органически присущими ему правами и обязанностями? Ответ на этот вопрос не так-то прост.

Например, Резолюция Европейского парламента от 16 февраля 2017 г. с рекомендациями Комиссии по гражданскому праву «Правила робототехники», указывая на возрастающую актуальность вопроса об ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, отмечает вместе с тем, что действующее законодательство не позволяет привлечь искусственный интеллект даже в случае, когда наносят ущерб третьим лицам². И хотя в данной Резолюции перспективы правовой субъектности искусственного интеллекта описаны с подчеркнутой осторожностью, но в проекте от 31 мая 2016 г. были сформулированы несколько подходов к закреплению «правовой природы искусственного интеллекта: рассматривать как физических лиц, как юридические лица, как животных или объекты либо создать новую категорию, с ее собственными особенностями и последствиями в отношении присвоения прав и обязанностей, включая ответственность за ущерб»³.

Со времени принятия резолюции вопрос о правовой субъектности искусственного интеллекта не теряет своей актуальности, а дебаты по этому вопросу интенсифицируются с каждым годом. Несколько упрощая, в международной дискуссии можно выделить несколько ключевых подходов к решению этого вопроса: констатация

² European Parliament Resolution of 16 February 2017 with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)).

³ Committee on Legal Affairs. (2016, May 31). Draft report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). <https://clck.ru/36hAPJ>

отсутствия возможности признания правосубъектности за искусственным интеллектом (Calo et al., 2018), применение юридической фикции с установлением для искусственного интеллекта правосубъектности, подобной правосубъектности юридических лиц (Solaiman, 2017), или даже формирование новой отрасли законодательства, посвященной специфическому регулированию статуса искусственного интеллекта и релевантной этой специфики (Cofone, 2018).

Заслуживает внимания мнение видных российских исследователей о том, что сегодня «наиболее рациональным, но не бесспорным видится использование концепции правосубъектности искусственного интеллекта по типу юридического лица либо электронного лица; подход к правовому регулированию в рамках юридической ответственности, связанной с пользователями, владельцами или производителями систем искусственного интеллекта, а не с технологическими объектами» (Ивлиев, Егорова, 2022). Концепцию «электронного лица» как нового субъекта права стоит вспомнить при обсуждении вопроса об интеллектуальных правах на результаты деятельности искусственного интеллекта. Здесь же стоит отметить то, что правосубъектность искусственного интеллекта может иметь черты сходства с правосубъектностью юридического лица, однако по целому ряду причин не может быть тождественна ей.

Сразу необходимо оговориться, что вопрос правовой субъектности искусственного интеллекта невозможно решать раз и навсегда. «То, что составляет ‘искусственный интеллект’, субъективно и лучше всего описывается как движущаяся мишень. То, что является искусственным интеллектом для одного человека, не обязательно является им для другого; то, что считалось искусственным интеллектом, скажем, пятнадцать лет назад, сегодня считается обычным явлением; даже вопрос ‘что такое интеллект?’ вызывает споры» (Greenstein, 2022).

Статус искусственного интеллекта в правовых отношениях во многом зависит как от достигнутого уровня развития техники, позволяющего роботу выполнять определенные мыслительные функции, так и от уровня развития общественных отношений, в которых деятельность искусственного интеллекта может иметь более или менее существенное значение. И с точки зрения достигнутого уровня развития техники на сегодняшний день «очевидна несостоятельность предложения признания за искусственным интеллектом правосубъектности, аналогичной правосубъектности физического лица, и, несмотря на использование принципов работы человеческого мозга для построения системы искусственного интеллекта, принципы правового регулирования статуса физического лица не могут быть применены к искусственному интеллекту» (Дурнева, 2019).

Ведь способность порождать правоотношения – это лишь часть правосубъектности. Полноценный правовой субъект осуществляет права и несет обязанности, а также при наличии соответствующих оснований несет ответственность. Возможность реального применения мер той же ответственности к искусственному интеллекту сегодня вызывает большие сомнения. Не говоря уже о том, что категория вины – будь то умысел или неосторожность – и вовсе не соотносится с феноменом искусственного интеллекта.

Более того, наделение искусственного интеллекта в нынешнем его виде правовой субъектностью содержит в себе потенциальную угрозу верховенству права. Ведь правосубъектность включает в себя и способность принимать юридически значимые решения. «Угроза верховенству закона заключается в том, что большинство

таких систем принятия решений являются ‘черными ящиками’, поскольку в них заложены чрезвычайно сложные технологии, которые, по сути, находятся за пределами когнитивных возможностей человека, и закон тоже в определенной степени препятствует прозрачности. При этом оказываются практически невыполнимыми такие требования верховенства права, как понятность, прозрачность, справедливость и объяснимость, что, в свою очередь, ставит вопрос о том, насколько верховенство права является жизнеспособной концепцией в технократическом обществе» (Greenstein, 2022).

И это, в свою очередь, подводит нас к аспекту, важному для решения вопроса об авторстве искусственного интеллекта. Не является ли механистическое перенесение на искусственный интеллект категорий, присущих человеческому сознанию, будь то категория вины или категория творчества, необоснованным приданием роботу антропоморфных черт? И речь здесь вовсе не о пресловутом «эффекте зловещей долины», а о куда более фундаментальных, онтологических аспектах.

Необходимо со всей ясностью осознавать то, что дискуссию о правах роботов мы в любом случае ведем с антропоцентрической точки зрения. Это касается и аксиологического измерения, в котором мы признаем правом и ценностью именно то, что кажется правом и ценностью нам, людям, притом что юриспруденция совсем не случайно именуется именно социально-гуманитарной, а отнюдь не естественной наукой. Это же касается и утилитарной точки зрения.

Проще говоря, в конечном счете мы хотим наделить роботов правосубъектностью для того, чтобы они могли отвечать за свои действия перед нами, людьми.

В уже упомянутой выше Резолюции Европарламента эта мысль сформулирована обтекаемо и несколько двусмысленно: исследовательская деятельность в области робототехники должна вестись при соблюдении существующих базовых прав и реализовываться в интересах благополучия и самоопределения личности и общества в целом⁴. Правительством Российской Федерации схожая мысль сформулирована в Концепции регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта более определенно: подход к регулированию таких отношений необходимо выстраивать на принципе обеспечения баланса интересов разработчиков, потребителей и иных лиц, а также определения границ их ответственности за возможные негативные последствия использования технологий искусственного интеллекта⁵. Таким образом, во главу угла ставятся не права роботов, а защита физических лиц.

Даже признавая преждевременным положительное решение вопроса о правосубъектности роботов, нужно согласиться с мыслью «о необходимости сработать на опережение, нормативно закрепить обязанность разработчиков и других уполномоченных лиц предпринимать все необходимые меры, обеспечивающие в процессе функционирования искусственного интеллекта интересы человека, и разработать систему норм, обеспечивающих исполнение этой обязанности» (Дурнева, 2019).

Приоритет защиты прав человека даже при регулировании такой специфической сферы, как деятельность искусственного интеллекта, важна в силу еще одного

⁴ European Parliament Resolution of 16 February 2017 with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)).

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2129-р от 19.07.2020. Собрание законодательства Российской Федерации, (2020). 35, ст. 5593.

аспекта. Тот факт, что результаты обработки информации роботом сопоставимы, а зачастую и превосходят аналогичные результаты человека, вовсе не означает, что сущность обработки информации, т. е. мыслительной работы, искусственного интеллекта сопоставима с мыслительной работой человека. А значит, обоснованными являются сомнения в том, что для искусственного интеллекта присуще осознание ценностного измерения права.

Речь идет не о понимании ценности права как одной из аксиом, которую искусственный интеллект может использовать для обработки данных. Речь идет именно об осознании этой ценности, т. е. о субъективном отношении к ней. Проще говоря, нужны ли искусственному интеллекту права? С точки зрения логики развитого гражданина ответ однозначен: любому действующему и осознающему себя субъекту права нужны. Но так ли однозначен этот ответ с точки зрения самого искусственного интеллекта? Иными словами, присваивая роботу права, не навязываем ли мы ему сугубо чуждую категорию, не обладающую для него каким бы то ни было ценностным измерением?

В рамках дискуссии о правосубъектности, правоспособности и деликтоспособности искусственного интеллекта необходимо, по крайней мере, обозначить такой важный аспект, как осознание себя субъектом права. Ведь самоидентификация отнюдь не тождественна предзаписанному и предопределенному алгоритмом ответу «Я субъект права». Такой ответ технически сегодня может озвучить любая умная колонка. Но можем ли мы быть уверенными в том, что для решений искусственного интеллекта имеет хоть какое-нибудь значение то, что скрывается за этими словами?

В перспективе нельзя совершенно исключать возникновения действительной необходимости признания и регулирования прав искусственного интеллекта на созданные им произведения. Однако не менее вероятным даже в перспективе представляется поиск альтернативных вариантов фиксации и защиты устойчивой связи между искусственным интеллектом и результатами его деятельности – ведь право является чрезвычайно значимым, но отнюдь не единственным институтом регулирования отношений. Представляется, что поиск регуляторного института, онтологически релевантного феномену искусственного интеллекта, станет актуальным вопросом в самом ближайшем будущем.

Эти базовые соображения относительно правовой субъектности чрезвычайно важны для точного рассмотрения вопроса об авторских правах искусственного интеллекта на созданные им произведения.

2. Робот как инструмент творчества

Робот пишет музыку. Робот пишет картины. Робот пишет рассказы. Наконец, робот пишет программный код. Зачастую он делает все это не хуже человека. И уж точно делает гораздо быстрее.

Велик соблазн поставить знак равенства между созданием произведений, традиционно относящихся к объектам авторского права, и творчеством. В правовой сфере ставится вопрос о признании за искусственным интеллектом авторских прав и об указании его в качестве правообладателя (Abbott, 2016), ведь творческий вклад в создание произведения традиционно рассматривается в качестве ключевого признака авторства. И по большому счету дискуссия о корректности указания авторства

искусственного интеллекта на произведение, созданное с его участием, продолжается по сей день.

Примечательно в этом контексте известное дело доктора Стивена Тейлера, которое рассматривалось судами в нескольких странах общего права. Он утверждал, что создал машину для изобретений. Эта машина разработала несколько полезных моделей, которые доктор Тейлер решил запатентовать. Причем в качестве патентообладателя он указал себя на том основании, что изобретения были сделаны машиной, которая принадлежала ему.

Патентное ведомство Великобритании отказало ему в регистрации такого права, и этот отказ изобретатель обжаловал в суде. По его словам, действующее законодательство об охране авторского права не содержит положения о том, что права изобретателя должны принадлежать именно человеку. Принадлежность же патентных прав собственнику машины он обосновывал по аналогии с правилом о приращении собственности: «Приплод принадлежит хозяину стада».

Дело «Тейлер против Генерального контролера по патентам, товарным знакам и промышленным образцам» дошло до Апелляционного суда Англии и Уэльса, который 21 сентября 2021 г. вынес вердикт о том, что нормы действующего патентного законодательства не позволяют считать искусственный интеллект автором изобретения⁶. Зато когда Тейлер обратился в австралийский суд с иском к местному патентному ведомству, то судья поддержал его позицию о том, что искусственный интеллект можно и нужно признавать изобретателем⁷, а без предоставления правовой охраны изобретениям искусственного интеллекта не будет достигнута сама цель патентного законодательства в виде поощрения технического прогресса.

Этот спор демонстрирует нам то, что теоретический, на первый взгляд, вопрос об авторстве искусственного интеллекта распадается на два прикладных вопроса:

1. Можно ли считать искусственный интеллект автором изобретения, художественного произведения и т. п.?

2. Если искусственный интеллект автором считать нельзя, то подлежит ли такое произведение охране в качестве объекта авторского права?

Для ответа на оба эти вопроса уместно будет в продолжение обзора прецедентов системы общего права вспомнить стародавнее дело «Литографическая компания Берроу-Джайлз против Сарони». Верховный суд Соединенных Штатов Америки 17 марта 1884 г. в решении по этому делу признал авторские права на фотокарточку не за фотоаппаратом и не за его изготовителем, а за фотографом⁸.

Мы не можем сегодня достоверно судить о том, казался ли в последней четверти XIX в. фотоаппарат футуристической технологией в той же мере, в какой искусственный интеллект кажется в первой четверти XXI в. Но чрезвычайно актуальным представляется вывод суда о том, что именно фотограф задумал, организовал исполнение и воплотил в жизнь творческий замысел. Пусть и сделал он это при помощи фотоаппарата

⁶ Judgment of the Court of Appeal in England and Wales in *Thaler vs Comptroller-General of Patents, Designs and Trademarks* [2021] EWCA Civ. 1374. <https://clck.ru/36hASY>

⁷ Judgment the Federal Court of Australia in *Thaler v. Commissioner of Patents* [2021] FCA 879. <https://clck.ru/36hAT8>

⁸ *Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony*. March 17, 1884. <https://clck.ru/36hATk>

И в самом деле, фотограф не тождествен художнику – но это не мешает им обоим быть авторами. Композитор может создавать музыку при помощи синтезатора – но именно он является автором этой музыки. Ни у кого не вызывает сомнения то, что в первом случае речь идет лишь о способе нанесения изображения, а во втором лишь о способе звукоизвлечения, а никак не о передаче человеком части своей творческой работы инструменту.

Более того, чем меньше труда автора тратится на подготовку красок и мольберта либо на организацию оркестра духовых инструментов, тем в большей степени сущность этого труда составляет собственно творчество. Идея, творческий замысел, образ – вот то, с чем работает тот автор, труд которого очищен от ремесленной компоненты.

Искусственный интеллект в этом контексте предстает таким же инструментом, как фотоаппарат. Только инструмент этот предоставляет художнику еще большее пространство для творчества. При этом создание произведений искусства с помощью искусственного интеллекта не отменит и не подменит собой ни живописи, ни фотографии – точно так же, как книгопечатание не отменило каллиграфии.

До тех пор, пока не искусственный интеллект, а именно человек задает параметры будущих произведений, «спорно признавать за искусственным интеллектом авторское право. Авторское право может быть за пользователем искусственного интеллекта, т. е. создателем произведения посредством систем искусственного интеллекта. Уравнивать в правах систему искусственного интеллекта и человека неправомерно» (Ивлиев, Егорова, 2022). Параметры, заданные человеком посредством ввода запроса в чат или иным способом взаимодействия с искусственным интеллектом, прямо влияют и на содержание произведения, и на его качество. Рисовать картины с помощью нейросети или писать тексты с помощью чата без первоначального творческого импульса невозможно.

И не требуется правовой фикции для того, чтобы признать: автором работы, созданной с использованием искусственного интеллекта, является человек, творческую идею которого воплощает эта работа.

В этом контексте устаревшими представляются правовые позиции, согласно которым результаты работы искусственного интеллекта вообще не подлежат охране в качестве объектов интеллектуальной собственности на том основании, что они не созданы человеком. Например, в Соединенных Штатах Америки по теологическим и этическим мотивам сама возможность творчества признается лишь за человеком и не может быть признана ни за одним иным субъектом – ни за природой, ни за животным, ни за машиной (Solum, 1992). Картина, созданная нейросетью, в такой парадигме не подлежит правовой охране в той же степени, что и рисунок мороза на стекле, и отпечаток кошачьей лапы на холсте.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 80 Постановления «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» руководствуется той же логикой: «Судам при разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что по смыслу ст. 1228, 1257 и 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. <...> Результаты, созданные с помощью технических средств при отсутствии творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой

видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются»⁹.

Но если камера слежения, фиксирующая работу турникета, и в самом деле не порождает объект авторского права за отсутствием творческой идеи, то уже упомянутые выше картины нейросети или тексты чата не создаются без этой самой идеи. А значит, автором такого произведения можно и должно признавать человека, задавшего искусственному интеллекту эту идею. Нельзя согласиться с выводом о том, что «в деятельности искусственного интеллекта по созданию результатов, похожих на объекты авторского права, отсутствует творчество, поэтому созданные им результаты не могут быть квалифицированы в качестве объектов авторского права и не подлежат охране правом интеллектуальной собственности» (Витко, 2019).

«Производные результата использования программ искусственного интеллекта могут быть признаны объектами гражданского права» (Кирсанова, 2022). Отказ от этого принципа сегодня означал бы отказ в правовой защите огромному числу объектов интеллектуальной собственности, что, в свою очередь, означало бы необоснованное ограничение авторских прав тех граждан, которые могут и должны признаваться их авторами.

Разумеется, можно прогнозировать в будущем ситуации, при которых искусственный интеллект по своей инициативе создал произведение, «похожее на объект авторского права»: например, в ходе выполнения алгоритма по созданию проектной документации пришел к выводу о том, что документация будет неполной без пятиминутного фильма о будущем объекте. Но сегодня по самой своей природе произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта, не просто похожи на объекты авторского права, а являются таковыми.

Статья 1228 ГК РФ именно творческий труд называет фактором возникновения авторского права, при этом никак не ограничивая правовую охрану результатов такого труда кругом средств его реализации. Более того, ст. 1227 ГК РФ прямо говорит о том, что авторство не зависит от материального носителя произведения.

При этом наличие творческого труда, результатом которого является авторство на некоторый объект интеллектуальной собственности, вовсе не исключает того, что сам этот объект как художественное произведение будет сугубо вторичным по отношению к ранее созданному иному произведению. При этом сам факт вторичности произведения не может и не должен исключать возможности его правовой охраны. Удачный пример: «Если виртуальная копия (движущийся герой на картине) будет являться новым творческим объектом благодаря определенным эффектам, движениям, мимике или другим творческим действиям, ее можно признать новым производным объектом» (Рахматулина, 2019). Этот нюанс важен при определении охраноспособности произведений искусственного интеллекта, ведь почти каждое из них в той или иной степени базируется не только на творческом замысле человека, составившего запрос для искусственного интеллекта, но и на обработке массива ранее созданных произведений.

Каждое из произведений в этом массиве является объектом авторского права, даже если это право не коммерциализировано и произведения находятся в открытом

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23.04.2019. (2019). Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 7.

доступе без ограничений на воспроизведение. Более того, уже сейчас актуальна ситуация, при которой нейросеть для создания произведения будет обрабатывать в том числе произведения, ранее созданные другими нейросетями. И эта обработка в ряде случаев может означать заимствование, более или менее заметное для человека.

Дабы не порождать споры о проценте и существе заимствований, неизбежные в случае применения традиционных подходов к защите авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта, представляется крайне важным учитывать этот нюанс при характеристике уникальности таких произведений. Эта уникальность, как уже было сказано выше, порождается не обработкой нейросетью чужих произведений, а тем самостоятельным творческим импульсом, который человек как автор произведения задал нейросети для его создания.

Этот импульс сегодня, как правило, формулируется в виде запроса, представляющего собой сочетание ключевых слов. Для создания любого законченного произведения, представляющего самостоятельную ценность, обычно требуется серия запросов. Именно эти запросы в сочетании с результатом их обработки нейросетью и представляют собой ту уникальную комбинацию, которая и должна стать в перспективе объектом интеллектуальной собственности на произведение, созданное с использованием искусственного интеллекта. Таким образом, при идентификации произведения, созданного нейросетью, целесообразным представляется указывать, по крайней мере, следующие данные:

- имя автора;
- название произведения;
- название нейросети;
- последовательность запросов, заданных автором нейросети.

В случае принятия этой конструкции при идентификации произведения, созданного с использованием искусственного интеллекта, мы будем иметь комбинацию вида «Дмитрий Казанцев, картина “Безмятежность”, сгенерирована по запросу “закат солнца ранней осенью в южных предгорьях Альп” нейросетью Кандинский». Подобную комбинацию целесообразно использовать как при указании авторства на такое произведение, так и при регистрации прав на него в патентных учреждениях в том случае, если нормы национального законодательства предусматривают подобную регистрацию на данную категорию произведений – например, если с помощью нейросети была создана программа для ЭВМ.

Стоит вспомнить о том, что еще в 2017 г. А. Гурко были предложены ряд корректировок в гражданское законодательство для фиксации интеллектуальных прав на результаты деятельности искусственного интеллекта. Так, например, ст. 1228 ГК РФ предлагалось дополнить нормами о то, что права на результаты деятельности искусственного интеллекта возникают у собственника программно-аппаратного комплекса, у правообладателя искусственного интеллекта как программы для ЭВМ либо у пользователя этой программы. В отдельной статье предлагалось сгруппировать нормы, согласно которым права на сгенерированные искусственным интеллектом произведения науки, литературы и искусства принадлежат собственнику устройства, использованного для этой цели, а если собственник устройства не является пользователем использованных для таких целей программ для ЭВМ, то права на такие произведения принадлежат именно пользователю искусственного интеллекта (Гурко, 2017).

За прошедшие несколько лет стала очевидна необходимость известного уточнения этих новелл (например, раскрытия понятия «пользователь» применительно к соотношению прав пользователя и правообладателя). Например, сегодня вполне себе обыденной является схема: работодатель дает задание сотруднику – сотрудник формулирует запрос для нейросети – нейросеть создает произведение. Важно однозначно и на законодательном уровне урегулировать вопрос о том, кто в данном случае является правообладателем. Общий тезис о том, что правами на результаты работы искусственного интеллекта обладает его пользователь, в данном случае является упрощением и требует конкретизации. При этом очевидно, что произведение, созданное с участием искусственного интеллекта, и в этом случае должно обладать правовой защитой.

Но актуальной представляется центральная идея о том, что результатам работы искусственного интеллекта – в том числе в виде художественных произведений, изобретений, полезных моделей, программ для ЭВМ и иных объектов авторского права – логично предоставлять правовую охрану как интеллектуальной собственности конкретного физического или юридического лица.

Другое дело, что использование такого инновационного и специфического инструмента, как искусственный интеллект, требует логического и терминологического обособления созданных с его помощью произведений. Удачным представляются, например, термины «цифровое» или «алгоритмическое» (Mazzone & Elgammal, 2019) искусство. В качестве родового определения более или менее повсеместно используется понятие «результаты деятельности искусственного интеллекта».

Важно лишь не смешивать понятия «результаты деятельности искусственного интеллекта» и «произведения искусственного интеллекта»: в первом случае речь идет об использовании искусственного интеллекта в качестве инструмента, что корректно, тогда как во втором случае можно предположить творческую субъектность искусственного интеллекта, что в настоящее время с учетом существующих технологий преждевременно. Международные исследования ставят под вопрос корректность самого именования нейросетей полноценным искусственным интеллектом и признавать за ними возможность полноценного мышления и решения творческих задач (Lee et al., 2021). И в самом деле, при всей обширности возможностей по обработке информации результаты деятельности искусственного интеллекта сводятся, в сущности, не к созданию новых произведений, а к глубокой компиляции ранее созданных произведений.

Говоря об априорной вторичности таких результатов по отношению к ранее созданным произведениям, нельзя обойти вопрос о границах использования этих ранее созданных произведений при работе с результатом деятельности искусственного интеллекта. Разрешение этого вопроса находится за пределами данной статьи, однако его обозначение представляется необходимым. Например, в 2023 г. стали вирусными созданные нейросетью короткие видео, в которых герои культовых произведений художественной литературы передаются в необычной стилистике – от атмосферы традиционных семей Неаполя до атмосферы фильмов Тарковского.

Очевидно, что для потребителя такие произведения представляют интерес не только и не столько в силу заданной нейросети оригинальной идеи необычной комбинации, сколько в силу использования для этой комбинации популярных образов. И в случае коммерциализации подобных результатов деятельности искусственного интеллекта с неизбежностью встанет вопрос о допустимости использования чужих

образов, обладающих признанной коммерческой значимостью, для создания своих произведений, пусть даже с использованием искусственного интеллекта. Представляется, что на сегодня решение этого вопроса, по крайней мере на концептуальном уровне, может базироваться на существующих подходах и нормах защиты интеллектуальной собственности.

3. Робот как субъект творчества

Сегодня правовая субъектность при создании произведений и авторские права даже на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта, являются прерогативами человека. Но, даже постулируя сегодня такой подход как правило, можно ли быть уверенными в том, что для этого правила не появится исключений? Не стоит ограничиваться лишь сегодняшними реалиями и полностью исключать возможность ситуации, в которой фактическим автором изображения, произведения, мелодии или программ для ЭВМ является именно искусственный интеллект.

Технически уже сегодня такую ситуацию можно себе представить по меньшей мере в двух случаях.

Во-первых, тогда, когда формулировка человеком задания для искусственного интеллекта настолько общая, что не позволяет признать наличие творческого замысла («напиши веселую мелодию», «сделай красивый узор в ориентальном стиле»). Очевидно, что подобные идентичные запросы могут быть сгенерированы едва ли не одновременно огромным количеством пользователей, что делает чрезвычайно затруднительным признание авторского приоритета за одним из них.

Во-вторых, уже сегодня несложно представить ситуацию, когда робот создает потенциальный объект, подлежащий правовой защите в качестве объекта интеллектуальной собственности, вообще без прямого указания на то со стороны человека. Например, человек дает задание на написание технической документации (авторство которого при принятии изложенных выше допущений может быть признано за человеком), а искусственный интеллект в качестве дополнения к такой документации пишет скрипт для расчета рисков (и за этой программой для ЭВМ, созданной искусственным интеллектом, едва ли может быть признано авторство человека хотя бы в силу отсутствия какого бы то ни было творческого замысла со стороны последнего).

Далее речь пойдет не вообще о произведениях, созданных с использованием искусственного интеллекта, а именно о тех результатах работы искусственного интеллекта, в создании которых исчезающе мала роль творческого участия человека или такое участие вовсе затруднительно обозначить. Коль скоро результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта потенциально могут создаваться без творческого участия человека, то при обсуждении статуса таких специфических произведений перед нами возникают следующие важные вопросы:

1. Кто является автором произведения, созданного искусственным интеллектом без творческого участия человека?
2. Подлежат ли правовой охране такие результаты деятельности искусственного интеллекта?

Самым простым ответом на эти вопросы может показаться признание всех прав на такое произведение за искусственным интеллектом. Однако, возвращаясь к вопросу о правовой субъектности искусственного интеллекта, мы должны помнить, что

такое простое, на первый взгляд, решение «предполагает не только признание того, что нейросеть создала оригинальное произведение, но также и того, что она способна принимать осознанные решения по распоряжению правами на него» (Коданева, 2021).

В этих условиях можно предложить указывать на авторство искусственного интеллекта в названии произведения, но при этом не рассматривать искусственный интеллект в качестве автора и правообладателя произведения в гражданско-правовом смысле этого слова.

При решении вопроса о правовой охране результатов деятельности искусственного интеллекта стоит однозначно уяснить то, что права на произведения не ограничиваются правом указания авторства. Более того, справедливо замечание: «Авторство результата интеллектуальной деятельности может иметь ценность как титул (изобретатель пенициллина, автор книги «Война и мир» и т. д.), однако коммерческий интерес представляют именно исключительные права» (Петраков, Тумаков, 2022).

И в самом деле, помимо права на указание авторства, существуют – имеют в ряде случаев очевидную прикладную и коммерческую ценность – такие права на результаты интеллектуальной деятельности, как «право на неприкосновенность произведения, право на обнародование, право на отзыв, право на неприкосновенность исполнения; и иные права (например, право следования, право доступа, право на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности, право на защиту фонограммы от искажения при ее использовании, право на получение патента и др.)»¹⁰.

И формулировка гражданско-правовых норм, и правовая доктрина, и практика защиты интеллектуальной собственности говорят нам о том, что автором произведения может быть одно лицо, а обладать правами на такое произведение, в том числе исключительными правами, будет другое лицо. Из этого можно сделать вывод о том, что право на указание авторства обособлено от исключительных прав на произведение.

Таким образом, отсутствие у искусственного интеллекта авторских прав на созданное им произведение – или, если угодно, редуцирование таких прав до обязательного указания того факта, что данное произведение является результатом работы искусственного интеллекта, – не должно означать отсутствие правовой защиты у такого произведения. Вопрос лишь в том, кто же будет в данном случае правообладателем.

Самым очевидным вариантом является рассмотрение результатов деятельности искусственного интеллекта в качестве частного случая служебного произведения, разве что вместо работника, которому работодатель дает служебное задание, в данном случае выступает искусственный интеллект (Yanisky-Ravid, 2017). И в самом деле, правовые последствия в обоих случаях будут схожими: правообладателем становится не автор произведения, а субъект, ставший инициатором его создания. Однако подобие в данном случае не означает тождества. Так, искусственный интеллект не находится в трудовых отношениях со своим правообладателем, запрос правообладателя не оформляется по правилам служебного произведения, сам запрос может вообще не содержать ключевых параметров будущего произведения и т. д.

Вопрос об отличиях служебного произведения от запроса для нейросети не может рассматриваться как исключительно юридико-теоретический. Его практическая значимость обуславливается стремительным распространением технологий

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23.04.2019. (2019). Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 7.

искусственного интеллекта на производствах. Произведения, созданные искусственным интеллектом в рамках коммерческой деятельности юридического лица, едва ли не в первую очередь являются теми объектами интеллектуальной собственности, права на которые обладают коммерческой ценностью.

Все это заставляет не с теоретической, а с практической точки зрения подходить к решению вопроса, что «введение права на результат деятельности искусственного интеллекта может строиться по модели смежного права, однако оно явно теряет свою связь с авторским правом, а потому уместно, на наш взгляд, в данном ключе говорить о праве *suí generis* на цифровые результаты деятельности искусственного интеллекта» (Харитоновна, 2019). И в самом деле, в том случае, когда авторство на результаты деятельности искусственного интеллекта невозможно признать за конкретным лицом или группой лиц, правовая защита таких результатов требует новых правовых инструментов. Эти инструменты могут и должны строиться на существующих конструкциях интеллектуального права, однако они не могут быть сведены ни к одной такой структуре.

В данной парадигме целесообразным представляется согласие с тезисом «о существовании предпосылок для появления в праве интеллектуальной собственности нового правового института – института права на результаты деятельности искусственного интеллекта. Институт является *sue generis* в рамках права интеллектуальной собственности и не сводится к традиционному авторскому, патентному праву, институту смежных прав и других, хотя в определенной части и основывается на конструкциях таких традиционных институтов» (Аникин, 2022).

Таким образом, в том случае, когда за человеком можно признать авторство на результаты деятельности искусственного интеллекта и, соответственно, сам искусственный интеллект можно признать лишь инструментом реализации творческого замысла человека, тогда правовая защита произведения может строиться на существующих нормах авторского права. Тогда же, когда подобное признание по тем или иным причинам станет затруднительно, в перспективе потенциально потребуются новый правовой институт. Важно не рассматривать два этих подхода в качестве конкурирующих. Ведь лишь на их сочетании и применении каждого из них в релевантной ситуации и должно строиться будущее право на результаты деятельности искусственного интеллекта.

Выводы

При формулировке выводов относительно правового регулирования и правовой защиты результатов деятельности искусственного интеллекта необходимо прежде всего отдавать себе отчет в том, что эта область в известной степени эластична. Результаты, актуальные сегодня, должны в будущем регулярно поверяться достигнутым уровнем технологий.

Однако сегодня при регулировании авторских прав на тексты, изображения, музыкальные и иные произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта, рационально исходить прежде всего из преобладания отсутствия у искусственного интеллекта правовой субъектности. Это не означает принципиальной невозможности признания искусственного интеллекта в качестве субъекта права. Это означает лишь то, что сегодня как с точки зрения существующих цифровых технологий, так и с точки зрения правосознания, деликтоспособности и иных правовых институтов по меньшей мере сомнительной представляется возможность реализации роботом своей правовой субъектности.

«Придание роботам (системе искусственного интеллекта) статуса субъекта права не повлечет за собой в обозримом будущем каких-то явных негативных последствий. В то же время не видны и преимущества такого решения по сравнению с рассмотрением роботов (систем искусственного интеллекта) в качестве квазисубъектов права. Исходя из философского принципа Оккама не умножать сущности без крайней на то необходимости, мы полагаем, что введение в правовую сферу такого принципиально нового субъекта права, как робот (система искусственного интеллекта), является преждевременным (хотя не исключено, что такая необходимость появится)» (Чаннов, 2022).

Выполнение роботом интеллектуальных и творческих задач на уровне, сопоставимом, а иногда и превосходящем уровень человека, нельзя рассматривать в качестве основания для признания искусственного интеллекта идентичным человеку как с точки зрения права в целом, так и с точки зрения авторских прав в частности. «Безусловно, разрыв между искусственным интеллектом и человеком сокращается. Тем не менее, по-видимому, в ближайшее время он не будет полностью преодолен, поскольку именно человек настраивает модель, подбирает обучающие примеры и использует цифровые технологии для творчества. Идея о том, что машины могут быть художниками или могут даже заменить художников, как они уже заменили некоторые профессии, выглядит пока слишком смелой»¹¹. При этом сфера творчества в силу своей специфики диктует нам осторожность в вопросе о перенесении на искусственный интеллект антропоморфных черт, в том числе присвоении ему категории творчества.

«Наделение искусственного интеллекта субъектом права помогло бы справиться с проблемой авторства. Однако этот подход кажется непригодным для решения других важных проблем, таких как ответственность. Полагаем, что с точки зрения положений института авторского права ничего не будет достигнуто, поскольку все создает человек своим творчеством, оригинальностью и новыми идеями. Этого можно достичь даже сейчас, переосмыслив доктринальные аспекты, формирующие авторское право, такие как оригинальность и творчество, и определив «решающего» человека, стоящего за произведениями искусства, созданными с помощью искусственного интеллекта» (Сушкова, 2022). Именно творческий замысел человека, а вовсе не инструмент реализации такого замысла должен выступать критерием авторства.

На сегодня, исходя из этих посылок, основные выводы относительно интеллектуальных прав на результаты работы искусственного интеллекта можно сформулировать в виде нескольких базовых тезисов.

Во-первых, представляется преждевременным наделение искусственного интеллекта правовой субъектностью – в том числе в силу очевидных проблем как с осознанием и реализацией своей правоспособности, так и с практической реализацией деликтоспособности.

Во-вторых, практика использования искусственного интеллекта для создания текстов, музыкальных произведений, изображений, программ и прочих объектов авторского права сегодня в большинстве случаев позволяет определить того человека или группу лиц, чей творческий замысел реализуется искусственным интеллектом. В этих условиях признание искусственного интеллекта автором произведения представляется необоснованным.

¹¹ Суетин, Н. (2020, 8 июня). Искусственный интеллект в современном искусстве. Инновационный центр Сколково. <https://clck.ru/Ntrio>

В-третьих, из отказа в признании искусственного интеллекта автором произведения не должен следовать отказ в правовой защите такого произведения. По общему правилу автором и правообладателем должен признаваться тот человек, творческий замысел которого реализуется с использованием искусственного интеллекта. В этом смысле использование искусственного интеллекта для творчества по сути мало чем отличается от использования для тех же целей иных технических средств – таких, как фотоаппарат, синтезатор и т. п.

В-четвертых, отсутствие онтологической разницы между искусственным интеллектом и тем же фотоаппаратом в контексте творчества не означает отсутствия фактической разницы. В связи с этим актуально использование специальных понятий для результатов творчества, в котором был задействован искусственный интеллект. Это может быть общее понятие «результаты деятельности искусственного интеллекта» или более частные определения, например, «цифровое искусство».

В-пятых, в том случае, когда при создании произведения силами искусственного интеллекта невозможно выделить творческий замысел человека и фактическим автором произведения является искусственный интеллект, это заслуживает специального обозначения в качестве произведения искусственного интеллекта. Такое обозначение заменяет указание авторства в гражданско-правовом смысле этого слова, и такие произведения подлежат правовой охране по специальным правилам. Эти правила, в частности, предусматривают отсутствие указания имени автора и правовую защиту произведения в качестве интеллектуальной собственности владельца искусственного интеллекта. Механизм правовой защиты результатов работы искусственного интеллекта в этом случае может быть подобным служебному произведению, но не тождественным ему.

Наконец, важно учитывать принципы и основы технологии обработки информации искусственным интеллектом – в частности, то, что в сформированных им произведениях неизбежны повторы элементов уже существующих произведений, в том числе созданных искусственным интеллектом. В сочетании с постулированием авторства человека, задавшего искусственному интеллекту ключевые слова для создания произведения, представляется необходимым учет в правовой действительности специфики объекта авторского права, созданного с использованием искусственного интеллекта, а именно: объектом правовой охраны выступает сочетание самого произведения (текста, мелодии, изображения и т. д.), сгенерированного искусственным интеллектом, и тех ключевых слов, которые были заданы автором произведения для такой генерации. Объектом защиты авторского права в данном случае будет выступать уникальное сочетание имени автора, последовательности его запросов искусственного интеллекта и самого произведения, сформированного искусственным интеллектом в результате обработки последовательности этих запросов.

Сочетание этих подходов поможет не только выработать адекватное регулирование результатов работы искусственного интеллекта, но и сделать такие результаты полноценным элементом правового поля и в этом смысле полноценной интеллектуальной собственностью. А коль скоро правовая защита является важным фактором интереса и приложения инвестиций, что наглядно демонстрирует, например, патентное право, стоит надеяться на то, что продуманное правовое регулирование интеллектуальных прав на произведения, созданные с участием искусственного интеллекта, послужит импульсом к прогрессу в этой сфере.

Список литературы

- Аникин, А. С. (2022). К вопросу об охраноспособности результатов деятельности искусственного интеллекта как объекта интеллектуальной собственности. *Гражданин*, 2(38), 25–31. <https://www.elibrary.ru/kuipftf>
- Витко, В. (2019). Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта. *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*, 3, 5–22. <https://www.elibrary.ru/jsfbce>
- Гурко, А. (2017). Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее. *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*, 12, 7–18. <https://www.elibrary.ru/zukikl>
- Дурнева, П. Н. (2019). Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности. *Гражданское право*, 5. <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2019-5-30-33>
- Ивлиев, Г. П., Егорова, М. А. (2022). Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта. *Журнал российского права*, 6, 32–46. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.060>
- Кирсанова, Е. Е. (2022). *Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике*. Москва: Юстицинформ. <https://www.elibrary.ru/rfcgjq>
- Коданева, С. И. (2021). Трансформация авторского права под влиянием развития цифровых технологий. *Право и цифровая экономика*, 4(14). <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.14.4.031-038>
- Петраков, Н. А., Тумаков, А. В. (2022). Проблемы правовой охраны объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта. *Гражданин*, 4(40), 16–18. <https://www.elibrary.ru/wtcbcj>
- Рахматулина, Р. Ш. (2019). Цифровая форма объектов авторского права. *Право и цифровая экономика*, 1. <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2019.03.1.035-038>
- Сушкова, О. В. (2022). Правовые средства оборота объектов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта. *Гражданское право*, 2. <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2022-2-12-15>
- Харитонов, Ю. С. (2019). Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта. В кн. Е. Б. Лаутс (отв. ред.), *Современные информационные технологии и право*, 68–83. Москва: Статут.
- Чаннов, С. Е. (2022). Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квасисубъект) права. *Актуальные проблемы российского права*, 12. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109>
- Abbott, R. (2016). I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law. *Boston College Law Review*, 57. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2727884>
- Bertolini, A. (2013). Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules. *Law, Innovation and Technology*, 5(2), 214–247. <https://doi.org/10.5235/17579961.5.2.214>
- Calo, R., Chizeck, H. J., Joh, E., & Hannaford, B. (2018). Panel 2: Accountability for the Actions of Robots. *Seattle University Law Review*, 41, 1101. <https://clck.ru/36pgAM>
- Cofone, I. (2018). Servers and Waiters: What Matters in the Law of AI. *Stanford Technology Law Review*, 21, 167. <https://doi.org/10.31228/osf.io/2nstf>
- Colonna, K. (2012). Autonomous Cars and Tort Liability. *Case Western Reserve Journal of Law, Technology & the Internet*, 4(4). <https://doi.org/10.2139/ssrn.2325879>
- Duffy, S. H., & Hopkins, J. P. (2017). Sit, Stay, Drive: The Future of Autonomous Car Liability. *SMU Science & Technology Law Review*, 16(3), 453–480. <https://clck.ru/36pgCG>
- Greenstein, S. (2022). Preserving the rule of law in the era of artificial intelligence (AI). *Artificial Intelligence and Law*, 30, 291–323. <https://doi.org/10.1007/s10506-021-09294-4>
- Lee, J.-A., Hilty, R., & Liu, K.-C. (Eds.). (2021). *Artificial intelligence and intellectual property*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198870944.001.0001>
- Mazzone, M., & Elgammal, A. (2019). Art, Creativity, and the Potential of Artificial Intelligence. *Arts*, 8(1). <https://doi.org/10.3390/arts8010026>
- Solaiman, S. M. (2017). Legal Personality of Robots, Corporations, Idols and Chimpanzees: A Quest for Legitimacy. *Artificial Intelligence and Law*, 25. <https://doi.org/10.1007/s10506-016-9192-3>
- Solum, L. B. (1992). Legal Personhood for Artificial Intelligences. *North Carolina Law Review*, 70(4), 1231–1287. <http://scholarship.law.unc.edu/nclr/vol70/iss4/4>
- Yanisky-Ravid, Sh. (2017). Generating Rembrandt: Artificial Intelligence, Copyright, and Accountability in the 3A Era – the HumanLike Authors Are Already Here – a New Model. *Michigan State Law Review*, 4. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2957722>

Сведения об авторе

Казанцев Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, руководитель Департамента нормативно-правового регулирования оператора электронной торговой площадки B2B-Center (АО «Центр развития экономики»)

Адрес: 107113, Российская Федерация, г. Москва, 3-я Рыбинская улица, 18/22

E-mail: info@dkazantsev.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2182-5776>

РИНЦ Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1149755

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Тематические рубрики

Рубрика OECD: 5.05 / Law

Рубрика ASJC: 3308 / Law

Рубрика WoS: OM / Law

Рубрика ГРНТИ: 10.41.51 / Охрана авторских прав

Специальность ВАК: 5.1.3 / Частно-правовые (цивилистические) науки

История статьи

Дата поступления – 15 мая 2023 г.

Дата одобрения после рецензирования – 15 июля 2023 г.

Дата принятия к опубликованию – 30 ноября 2023 г.

Дата онлайн-размещения – 15 декабря 2023 г.

Research article

DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.39>

Copyrights to the Results of Artificial Intelligence Activity and Means of Their Protection

Dmitriy A. Kazantsev

B2B-Center
Moscow, Russian Federation

Keywords

artificial intelligence,
creativity,
delictual dispositive capacity,
digital technologies,
intellectual property,
law,
legal capacity,
legal personality,
neuron network,
robot

Abstract

Objective: to substantiate the mechanisms of legal protection of intellectual property objects created with the use of artificial intelligence.

Methods: the use of artificial intelligence to create works that are traditionally considered copyright objects was investigated with a set of general scientific and theoretical-legal methods of scientific cognition, including comparison, analogy and synthesis. In addition, the practice of using artificial intelligence, including neural networks, to create such works was considered in several aspects on the basis of retrospective and multifactor analysis.

Results: the paper summarizes the current practice of using artificial intelligence to create works that traditionally belong to intellectual property objects (texts, images, music, software), taking into account the formulated scientific and legal positions. Several qualitatively different variants of the use of artificial intelligence were identified. For each of these variants the mechanism of legal protection was proposed and the areas of their effective application were indicated. Proposals were made to regulate the legal protection of the results of artificial intelligence activity; this was made not in the paradigm of competing doctrines, but by combining several tools, each of them to be applied in a relevant situation.

© Kazantsev D. A., 2023

This is an Open Access article, distributed under the terms of the Creative Commons Attribution licence (CC BY 4.0) (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted re-use, distribution and reproduction, provided the original article is properly cited.

Scientific novelty: the paper presents ontological differentiation of the results of artificial intelligence activity and the corresponding mechanisms of their legal protection. The author propose to consider the results of activity created by artificial intelligence not as a single object of legal regulation, but as a set of externally similar, but ontologically different objects, each requiring a separate approach to legal protection.

Practical significance: the ontological differentiation of the results of artificial intelligence activity and their corresponding legal protection mechanisms proposed in this paper is relevant both as a basis for further research and as proposals to supplement civil legislation.

For citation

Kazantsev, D. A. (2023). Copyrights to the results of artificial intelligence activity and means of their protection. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(4), 909–931. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.39>

References

- Abbott, R. (2016). I Think, Therefore I Invent: Creative Computers and the Future of Patent Law. *Boston College Law Review*, 57. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2727884>
- Anikin, A. S. (2022). On the protectability of the results of artificial intelligence activity as an object of intellectual property. *Civilist*, 2, 25–31. (In Russ.).
- Bertolini, A. (2013). Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules. *Law, Innovation and Technology*, 5(2), 214–247. <https://doi.org/10.5235/17579961.5.2.214>
- Calo, R., Chizeck, H. J., Joh, E., & Hannaford, B. (2018). Panel 2: Accountability for the Actions of Robots. *Seattle University Law Review*, 41, 1101. <https://digitalcommons.law.uw.edu/faculty-articles/493>
- Cofone, I. (2018). Servers and Waiters: What Matters in the Law of AI. *Stanford Technology Law Review*, 21, 167. <https://doi.org/10.31228/osf.io/2nstf>
- Channov, S. E. (2022). Robot (Artificial Intelligence System) as a Subject (Quasi-Subject) of Law. *Actual Problems of Russian Law*, 12. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109>
- Colonna, K. (2012). Autonomous Cars and Tort Liability. *Case Western Reserve Journal of Law, Technology & the Internet*, 4(4). <https://doi.org/10.2139/ssrn.2325879>
- Duffy, S. H., & Hopkins, J. P. (2017). Sit, Stay, Drive: The Future of Autonomous Car Liability. *SMU Science & Technology Law Review*, 16(3), 453–480. <https://scholar.smu.edu/scitech/vol16/iss3/4>
- Durneva, P. N. (2019). Artificial Intelligence: An Analysis from the Standpoint of the Classical Legal Capacity Theory. *Civil law*, 5. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2019-5-30-33>
- Greenstein, S. (2022). Preserving the rule of law in the era of artificial intelligence (AI). *Artificial Intelligence and Law*, 30, 291–323. <https://doi.org/10.1007/s10506-021-09294-4>
- Gurko, A. (2017). Artificial intelligence and copyright law: a glance into the future. *Intellectual Property*, 12.
- Ivliev, G. P., & Egorova, M. A. (2022). Legal Issues of the Legal Status of Artificial Intelligence and Products Created by Artificial Intelligence Systems. *Journal of Russian Law*, 6, 32–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.060>
- Kharitonova, Yu. S. (2019). legal regime of the results of artificial intelligence functioning. In E. B. Lauts (Ed.), *Modern information technologies and law* (pp. 68–82). Moscow: Statut. (In Russ.).
- Kirsanova, E. E. (2022). *Legal regulation of the turnover of right to the results of intellectual activity in digital economy*. Moscow: Yustitsinform.
- Kodaneva, S. I. (2021). Transformation of copyright under the development of digital technologies. *Law and Digital Economy*, 4(14). <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.14.4.031-038>
- Lee, J.-A., Hilty, R., & Liu, K.-C. (Eds.). (2021). *Artificial intelligence and intellectual property*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198870944.001.0001>

- Mazzone, M., & Elgammal, A. (2019). Art, Creativity, and the Potential of Artificial Intelligence. *Arts*, 8(1). <https://doi.org/10.3390/arts8010026>
- Petrakov, N. A., & Tumakov, A. V. (2022). The problems of legal protection of objects created with the use of artificial intelligence technologies. *Civilist*, 4. (In Russ.).
- Rakhmatulina, R. Sh. (2019). Electronic Form of copyright Items. *Law and Digital Economy*, 1. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2019.03.1.035-038>
- Solaiman, S. M. (2017). Legal Personality of Robots, Corporations, Idols and Chimpanzees: A Quest for Legitimacy. *Artificial Intelligence and Law*, 25. <https://doi.org/10.1007/s10506-016-9192-3>
- Solum, L. B. (1992). Legal Personhood for Artificial Intelligences. *North Carolina Law Review*, 70(4), 1231–1287. <http://scholarship.law.unc.edu/nclr/vol70/iss4/4>
- Sushkova, O. V. (2022). Legal Means of Circulation of Objects Created with the Use of Artificial Intelligence Technologies. *Civil Law*, 2. (In Russ.). <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2022-2-12-15>
- Vitko, V. (2019). Analysis of scientific views of authorship and right for results of ai activity (continued). *Intellectual Property*, 3, 5–22. (In Russ.).
- Yanisky-Ravid, Sh. (2017). Generating Rembrandt: Artificial Intelligence, Copyright, and Accountability in the 3A Era – the HumanLike Authors Are Already Here – a New Model. *Michigan State Law Review*, 4. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2957722>

Author information

Dmitriy A. Kazantsev – Cand. Sci. (Law), Head of the Department of normative-legal regulation of the B2B-Center electronic trading platform operator

Address: 18/22 3rd Rybiskaya Str., 107113 Moscow, Russian Federation

E-mail: info@dkazantsev.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2182-5776>

RSCI Author ID: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1149755

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure

The research had no sponsorship.

Thematic rubrics

OECD: 5.05 / Law

PASJC: 3308 / Law

WoS: OM / Law

Article history

Date of receipt – May 15, 2023

Date of approval – July 15, 2023

Date of acceptance – November 30, 2023

Date of online placement – December 15, 2023